

А. А. Ляпина

Государственный университет управления
Москва, Россия
anastasiayap@mail.ru

ГЕРМАН БАНГ В РОССИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ДАТСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Аннотация. В статье представлены отклики русских журналистов начала XX в. на жизнь и творчество Германа Банга, невероятно популярного в то время датского писателя. Прослеживается «эволюция» статей о его творчестве: от небольших и нейтральных заметок до восторженных многостраничных обзоров. Выявляются некоторые тенденции изменения мнения критиков о работах Германа Банга: стремление рецензентов к независимости от трактовок европейских коллег, генетические связи его творчества с русской классической литературой и др. Прослеживается история закрепления за писателем прозвища «датский Чехов» в отечественной печати. Также в статье представлены интерпретации биографии Германа Банга, публиковавшиеся в русских журналах 1900–1910-х гг., а также заметки о приезде писателя в Москву в 1911 г. Кроме того, анализируются некрологи на скоропостижную смерть писателя в начале 1912 г., с которых начинается постепенная «демонизация» образа Германа Банга, якобы предчувствовавшего свою гибель.

Ключевые слова: датская литература, рецепция, критика.

Многие зарубежные исследователи считают творчество датского писателя Германа Банга (1857–1912) одним из лучших достижений литературы Дании своего времени. В своих произведениях автор сочетал психологические реалистические зарисовки с импрессионистическим стилем повествования, уделяя особое внимание деталям – случайным оборотам речи персонажей, их движениям и едва уловимым изменениям действительности. Благодаря обилию диалогов и действия ему удавалось в своих романах и рассказах создавать «эффект присутствия» – как будто события разворачиваются прямо на глазах у читателя. Узнаваемой чертой большинства его работ являются и образы главных героев: в основном это люди, не вписывающиеся в общественные рамки, изгнанные или не принятые из-за своего характера социумом.

Россия открыла для себя этого незаурядного писателя довольно поздно. В то время как на родине Банг уже более четверти века печатал свои произведения, его первая работа в России

появилась лишь в 1904 г., когда в брошюре «Рассказы для чтения в наших скорых поездах» был опубликован его малоизвестный рассказ «Сон в летнюю ночь». Откликов на это произведение не последовало, что во многом объясняется типом издания, а также составом авторов сборника: в основном это была «бульварная» проза, в которой не самый удачный рассказ писателя просто затерялся.

Однако именно в 1904 г. появилась и первая статья, посвященная одному из романов Банга – «Микаэль». Этот роман к тому времени еще не был переведен на русский язык, а сам писатель был неизвестен большинству российских читателей, но датчанин А. Маделунг предпринял попытку представить своего популярного в Европе соотечественника русскому читателю на страницах журнала «Весы». В своей первой рецензии критик попытался кратко очертить творческий путь писателя (за 25 лет творческой деятельности Бангом написано более 30 произведений), раскрыть основные особенности творчества («стремится к абсолютной точности выражения», «верит в душу слов») [Маделунг 1904: 57].

После этого несколько лет произведения Банга не публикуются в России, однако его имя не было забыто, так как в первую же книгу «Северных сборников» (1907), авторитетного издания, публиковавшего лучшие работы скандинавских авторов, были включены новеллы датчанина «Четыре черта» и «Ее высочество» в переводе Ф. Сологуба.

Критик Е. Колтоновская, откликнувшаяся на публикацию новеллы «Четыре беса» (о трагической гибели двух гимнастов из-за неразделенной любви), дала весьма лестную характеристику произведению, особо подчеркнув ощущение «свежести», исходящее от этого сочинения: «Причина <...> – в большой непосредственности и душевной молодости, <...> [его] устами с нами как бы говорит сама жизнь» [Колтоновская 1907: 80]. Е. Колтоновская одной из первых дала краткую, но очень верную характеристику творчества Банга: «Всеисчерпывающая глубина и яркость анализа при необыкновенной простоте его» [Колтоновская 1907: 80].

В 1907 г. в России появилась еще одна статья о творчестве Банга, автором которой стал немецкий литературный критик Ф. Поппенберг. В этом развернутом очерке встречается несколько очень ценных замечаний о стиле писателя («кисть его сурова и резка», «горький иронический смех», «его <...> занимает <...> трагедия тех, кто живет в пустоте и отупении» [Поппенберг 1911:

3]). Также именно в статье Ф. Поппенберга впервые возникает сопоставление творчества Г. Банга и А. Чехова, так как оба автора стремятся «представить жизненные явления как действия заведенного автомата», при этом немец отдает предпочтение датскому автору: «Чехов скользит на поверхности, у Банга же раскрываются глубины и перспективы» [Поппенберг 1911: 6]. Интересно, что в немецкой печати данное сопоставление не закрепилось, однако отечественные рецензенты с удовольствием продолжили развивать определение Банга как «датского Чехова» («“Белый дом” – это “Вишневый сад” Банга» [Левинсон 1907: 37], «И, как Чехов, скорбел красиво и трогательно Банг...» [Б.а. 1912 Герман Банг (Некролог): 6]).

В 1909 г. начинается издание собрания сочинений Банга (трехтомное – в издательстве «Современное творчество» (1909–1910), десяти томное – в «Современных проблемах» (1910–1913) и «Издания В.М. Саблина» (1910–1911)). В итоге к 1912 г. большинство написанных Бангом художественных произведений было переведено на русский язык и опубликовано, а этот датский писатель стал известен и любим в России не меньше, чем на родине и во всей Европе.

Не все романы Банга встречали однозначно теплый прием в России. Так, критик М. Новикова, сопоставляя психологические зарисовки в творчестве Кнута Гамсуна и Банга в «Романе сестры милосердия», отдает предпочтение первому. По ее мнению, датчанин «утомляет глаз мелькающими изломами линий, кричащей дисгармонией случайных оттенков..., фабула путается...» [Новикова 1911: 5]. Действительно, простой сюжет романа о несчастной любви сестры милосердия, брошенной своим возлюбленным ради богатой невесты, намеренно излагается вне соблюдения хронологии. Новикова делает следующий вывод: «Книга Банга читается с трудом, ни одной минуты не возбуждая не только глубокого интереса, но даже <...> чисто внешнего любопытства...» [Новикова 1911: 5]. Ясно, что при этом сопоставлении критик совершенно не учитывает различия в стилях и художественных установках писателей, так как Банг намеренно вводил в свои произведения множество персонажей, чтобы передать жизнь, «как она есть», и это было одним из основополагающих принципов его творчества.

Наиболее подробная и основательная характеристика русской версии «Романа сестры милосердия» принадлежит поэту, прозаику, критику В. Гофману, который незадолго до своей

гибели посвятил этому произведению статью. Признавая, что книгу временами скучно читать, критик указывал, что это прием, намеренно использованный автором: «Нужно понять Банга. Его книга – это жизнь, не прикрашенная, не акцентированная, без курсивов и иллюминации» [Гофман 1911: 269], то есть В. Гофман как раз выделяет то, к чему стремился писатель, – изображать жизненную правду. Таким образом, критик тонко уловил намеренное отсутствие каких-либо «эффектов и украшений, всех возможностей выдумки или уловок искусственности» [Гофман 1911: 270], что явилось сознательным художественным решением. И несмотря на то, что Гофману такая манера была не вполне близка – он считает ее «стенографической» [Гофман 1911: 270], – критик не может не отдать должное мастерству исполнения замысла.

Особый интерес у отечественных читателей вызвала повесть Банга «У дороги» (другой вариант перевода – «На пути»). В этом произведении главная героиня – замужняя дама Катинка Бай, живущая около маленькой станции вместе со своим скучным мужем, – влюбляется в инженера, который, однако, оказывается слишком слаб и безволен, чтобы быть достойным такого сильного чувства. Разочарование приводит героиню к смерти, а жизнь вокруг остается такой же серой и унылой. Критик Ю. Веселовский в статье об этой повести назвал ее «одним из лучших произведений <...> датского беллетриста» [Веселовский 1912: 5]. Рецензент высоко оценил именно совмещение разных планов повествования («с реалистической картиной сонного захолустного мира соединяется здесь простая, но необыкновенно грустная и трогательная житейская история» [Веселовский 1912: 5]).

На роман «Графиня Урнэ» Банга в России также последовало множество восторженных рецензий. Изображение демонической женщины, с детства ощущавшей одиночество в большом доме, чувствовавшей деградацию рода, которая, повзрослев, стала беспощадна к мужчинам и погубила не одного своего воздыхателя, а впоследствии влюбилась в пасынка и из-за невозможности взаимной любви погибла, восхитило многих зарубежных и отечественных критиков. Одной из наиболее заметных и интересных явилась работа Н. Петровской. Критика интересовал не сам сюжет, а мастерство описания психологического состояния главной героини: «Вечная и неизъяснимая обостренность всех ощущений и восприятий создает в душе графини Урнэ атмосферу такого безумного неразрешимого напряжения, что вся жизнь становится для нее одним глухим страданием» [Петровская

1911: 4]. Критик отмечает, что падение героини, произошедшее в конце романа, психологически обусловлено ее предыдущими переживаниями, и подчеркивает, что все описанное в романе очень жизненно и эту книгу можно рассматривать как «психологическое исследование, почти скорбный лист больной и утонченной современной женской души» [Петровская 1911: 4].

Как энциклопедию датской жизни интерпретировали критики роман Банга «Без родины», в котором главный герой, талантливый музыкант, пытается найти место, где он бы не чувствовал себя чужим, а в конце романа возвращается на остров, где был рожден. Как это часто бывает у датского писателя, в романе множество второстепенных и эпизодических персонажей, которые дополняют общую картину, помогая автору создать «правду жизни». Критик Н. Тихменев именно так и воспринимает этот роман, обращая внимание на галерею разнообразных действующих лиц: «Банг <...> рисует ряд типов представителей международного аристократического мира и современного датского общества» [Тихменев 1911: 4].

По мере возрастания интереса к творчеству писателя в России появлялось все больше информации, касающейся его биографии. Следует отметить, что подобная ситуация была совершенно нетипичной для России начала XX в. Достаточно часто читатели не обладали никакими сведениями об авторе, и рецензенты допускали в своих статьях фактологические ошибки. Однако в случае с Бангом ситуация почти с самого начала была иной. Из первых же рецензий русский читатель мог выделить хотя и скудную, но все же достоверную информацию обо всем творчестве датского писателя, а также узнать о некоторых разрозненных деталях его биографии.

Из отечественных авторов биографии Банга коснулся переводчик многих его рассказов и романов Я. Сегал. Собрав воедино те факты, которые уже были известны русскому читателю, он сообщает, что датский писатель, закончив академию, хотел стать актером, однако при прослушивании ему сообщили, что «о театре ему и думать нечего» [Сегал 1913: 3]. Переводчик перечисляет профессии, которые испробовал в дальнейшем Банг: профессиональный журналист, театральный критик.

Сам писатель также стремился наладить диалог с Россией. Он хотел облегчить русским читателям восприятие собственных произведений, поэтому нередко сопровождал свои романы и повести предисловиями. Так, например, первое предисловие

Банга появилось в 1907 г. вместе с двумя повестями, сделавшими датского писателя известным в России («Четыре беса» и «Ее высочество»), в «Северных сборниках». Эта вводная статья демонстрирует самоиронию Банга, который, несмотря на просьбу издательства «Шиповник» написать автобиографию, отказался это делать, задавая редакции встречный вопрос: «Смог ли когда-нибудь хоть один из десяти тысяч передать в автобиографии более, нежели чисто внешние события своей жизни?» [Банг 1907: 141]. Далее в форме вопросов «Нужно ли оповещать мир о том, что я...» Банг все же кратко освещает некоторые эпизоды своей жизни: «Я родился в апрельский день, на острове, в провинциальной семье и прожил большую часть <...> жизни в шести-семи столицах различных государств» [Банг 1907: 141], написал 32 тома собрания сочинений («из которых, по крайней мере, двадцать писать вовсе бы не следовало» [Банг 1907: 141]), участвовал в постановке около 20 пьес.

Основной частью этого предисловия, вопреки воле издательства, становятся рассуждения Банга об истоках его творчества и впечатлениях от русской литературы, что самому автору представлялось более ценным, чем перечисление фактов собственной жизни. Писатель указывает на две литературы, которые повлияли на него, – французскую и русскую, больше внимания уделяя русским авторам. В этом предисловии Банг выстраивает своеобразную иерархию русских прозаиков: И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский («Он открыл мне и целый народ, и весь его дух», Н. В. Гоголь («Этот изумительный человек стоит выше своего произведения» [«Мертвые души». – А. Л.]), Л. Н. Толстой («Какая мощь письма!»), А. П. Чехов («Какая скромность в этом величии всепонимания») [Банг 1907: 144–145].

Кроме того, Банг очень интересовался русской нацией и немало страниц посвятил русской культурной жизни в датских, норвежских и немецких газетах. Так, он писал об известной пианистке А. Н. Есиповой, профессоре математики С. В. Ковалевской, Александре Ш, А. П. Чехове, Ф. И. Шаляпине, К. С. Станиславском и др.

В 1911 г. в газете «Утро России» появилась статья Банга о Шаляпине в роли Бориса Годунова. Датский писатель восторженно приветствует это исполнение, особенно восхищаясь тому минимальному набору средств исполнителя, которые, несмотря ни на что, заставляют публику, не отрываясь, смотреть постановку: «Что сделал Шаляпин, чтобы произвести впечатление сумасшед-

шего? Ничего. Только одна прядь волос поднялась дыбом над его лбом» [Банг 1911: 2].

Следует отметить, что интерес к русской культуре у датчанина проявлялся и в его художественных произведениях: он нередко вводил в свои сюжеты русских персонажей, узнаваемые русские топонимы и антропонимы. Так, например, в рассказе «Бархан умер» почти все действующие лица – русские, живущие в Петербурге (при этом упоминаются некоторые реалии – журнал «Северный вестник», статья Вольтерского, герой живет у Финляндского вокзала и т.д.). А в романе «Микаэль» одна из главных героинь Люция Замикова – княгиня из России – обсуждает картины В. Верещагина. В основном почти все персонажи в творчестве Банга, в характере которых есть какая-то загадка, так или иначе связаны с Россией.

Конечно, Банг не мог не посетить страну, в которой его работы пользовались большой популярностью. В ходе своего краткого визита в Россию в конце 1911 г. датчанин побывал в Москве и Санкт-Петербурге, присутствовал на спектакле Московского Художественного театра «Месяц в деревне» и познакомился с К. С. Станиславским. Эта постановка произвела на датского автора настолько сильное впечатление, что он «не мог заснуть всю ночь ни на минуту» [Койранский 1912: 16], так как обдумывал увиденное. Утром Банг признался: «Хотя это было превосходно <...>, я никак не мог согласиться с господином Станиславским» [Койранский 1912: 16]. Более развернутые впечатления от знакомства со знаменитым режиссером и его постановкой датский писатель изложил в своих письмах в датскую газету. К сожалению, в России они не были напечатаны. В первом письме Банг выделяет двух лидеров европейского театрального искусства – Макса Рейнхардта и К. С. Станиславского, называя последнего «львом, играющим с собачками» [перевод авт. – А. Л.] [Dramaturgiske Penne­te­gninger 2007: 354]. В двух последних письмах Банг осветил историю театра и сумел ярко передать стиль репетиций Станиславского: «Внезапно говорит: Испугайся! И одиннадцать человек лицом и телом представляют страх. Все движения тела, лица, каждый нерв – страх» [перевод авт. – А. Л.] [Dramaturgiske Penne­te­gninger 2007: 356]. Таким образом, даже в своих последних статьях датский автор стремился передать читателям на родине свой интерес к России и дать представление о ее известных людях.

Также во время своего визита в Россию Банг выступил с лекциями-чтениями своих произведений (отрывки из романа «Микаэль», рассказы «Смерть маэстро» и «Пастор»).

В прессе приезд Банга не остался незамеченным, и все статьи о его визите в Россию заканчивались фразой, анонсирующей его выступление в Польской библиотеке. Однако на сами чтения пришло поразительно мало людей. Многие журналисты обвиняли организаторов мероприятия («они точно заботились, чтобы сделать из выступлений Банга секрет, позабыли сколько-нибудь заблаговременно оповестить о чтении, не приняли никаких мер, чтобы привлечь внимание» [Б.а. 1911 На чтении Банга: 4]). Действительно, первые заметки о выступлении датского писателя появились в газетах 6 декабря 1911 г., именно в тот день, когда и должно было состояться выступление.

Сам писатель был очень расстроен почти сорванной лекцией в стране, литературой которой он так восхищался; также он знал, что его произведения известны в России, и ожидал совсем иного приема. Так, на самом выступлении Банг сказал, что «даже в крохотном датском городе с населением в какую-нибудь тысячу человек сумели лучше оповестить об его чтении, чем в Москве» [Б.а. 1911 На чтении Банга: 4]. Впоследствии многие журналисты и литературные критики винили во внезапной смерти датского писателя, случившейся всего через месяц после путешествия в Россию, холодный прием, оказанный автору русской публикой: «Не здесь ли его пылающие уста приняли последнюю горчайшую каплю, скатившуюся из отравленного кубка жизни?» [Иващенко 1912: 88].

Действительно, Банг умер в США, штат Юта, 29 января 1912 г., после чего в России было опубликовано множество некрологов, что было обусловлено, во-первых, известностью писателя, а во-вторых, его скандальной, таинственной и внезапной смертью спустя краткое время после отъезда из Москвы (до сих пор некоторые датские исследователи рассуждают о причинах гибели писателя: было ли это самоубийство или остановка сердца).

В связи с публикацией многочисленных некрологов обнаружилось, как много людей в Москве и Санкт-Петербурге успели познакомиться и проникнуться уважением к Бангу, несмотря на его краткое пребывание в России. Так, прощальные статьи, помимо анонимных, были написаны О. Дымовым, А. Койранским, Л. Василевским и др. Некрологов было напечатано настолько много, что в 1912 г. А. Я. Левинсон объединяет многие из них

в сборнике «Поэт безнадежных поколений [Герман Банг]». Во многих воспоминаниях о писателе прослеживается одна тенденция – демонизация его образа (особо подчеркивались темные печальные глаза) и мифологизация его предчувствия смерти.

После преждевременной кончины Банга издание его произведений в России не прекратилось, а лишь стало менее интенсивным, и обсуждение его работ продолжилось. Датский писатель, обращавшийся в своем творчестве к традициям русских авторов, и сам оказал влияние на становление русской критической мысли (например, его творчество доказало возможность наложения реализма на импрессионизм, «кинематографичности» повествования) и на творчество некоторых писателей (так, например, В. Э. Мейерхольд и Н. Тэффи использовали произведения Банга как основу для своих сочинений).

ЛИТЕРАТУРА

- Б.а., 1911, Датский романист в Москве. // *Московские ведомости*. 7 декабря.
- Б.а., 1911, На чтении Банга // *Русские ведомости*. 7 декабря.
- Б.а., 1912, Герман Банг (Некролог) // *Русские ведомости*. 19 января.
- Банг Г., 1907, Предисловие. // *Северные сборники издательства «Шиповник»*. Кн. 1. С-Петербург: Шиповник. – С. 141–145.
- Банг Г., 1911, Шаляпин. // *Утро России*. 6 декабря.
- Веселовский Ю., 1912, Рец. на Герман Банг. На пути. // *Русские ведомости*. 31 июля.
- Гофман В., 1911, Рец. на Герман Банг. Роман сестры милосердия. // *Новая жизнь*. № 7. – С. 269–271.
- Иващенко А., 1912, Герман Банг (из личных впечатлений). // *Путь*. № 5. – С. 86–88.
- Койранский А., 1912, Герман Банг. // *Поэт безнадежных поколений*. Москва: Современные проблемы. – С. 16–19.
- Колтоновская Е., 1907, Северные сборники. Кн. 1. // *Образование*. № 10. – С. 79.
- Левинсон А., 1907, Герман Банг. Очерк. // *Современный мир*. № 11. – С. 37–43.
- Маделунг А., 1904, Herman Bang. Mikaël. // *Весы*. № 8. – С. 57.
- Новикова М., 1911, Рец. на Банг, Герман. Роман сестры милосердия. // *Утро России*. 8 октября.
- Петровская Н., 1911, Рец. на: Герман Банг. Графиня Урнэ. // *Утро России*. 9 июля.
- Поппенберг Ф., 1911, Герман Банг. // Банг Г. *Четыре дьявола*. С-Петербург: Издание акционерного общества типографского дела в Санкт-Петербурге. – С. 3.

- Сегал Я., 1913, Предисловие. // Банг Г. *Таинственные рассказы*. Москва: Мысль. – С. 3–7.
- Тихменев Н., 1911, Рец. на: Герман Банг. Без родины. // *Московские ведомости*. 3 марта.
- Dramaturgiske Pennebetegninger. Herman Bang som teateressayist. En antologi*. Udgivet og kommenteret af K. A. Jürgensen. Odense: Syddansk Universitets Forlag, 2007. – P. 452.

Herman Bang in Russia: Interpretation of Life and Works of Danish Writer

Abstract. The article demonstrates the impact of Russian journalists of the beginning of the 20th century on the life and works of Herman Bang, a very popular Danish author of that time. The “evolution” of articles in his works is revealed from small and neutral notes to enthusiastic large reviews. Some tendencies in changing the critics’ opinion about Herman Bang’s works are disclosed: we can trace critics’ aims to be independent from European colleagues, genetic connections of Bang’s works with Russian classic literature, etc. The history of the writer’s nickname *Danish Chekhov* in Russian periodicals is described. The article also demonstrates the interpretation of Herman Bang’s biography as shown in Russian journals of 1900–1910, and the analysis of notes about his visit in Moscow in 1911. The article also contains necrologies to the sudden death of the writer at the beginning of 1912, from which the gradual “demonisation” of Herman Bang’s image started, who had, as many people believed, felt his death.

Keywords: *Danish literature, reception, criticism.*

REFERENCES

- В.а., 1911, Датский романист в Москве. // *Moskovskie vedomosti*. 7 dekabrja.
- В.а., 1911, На чтении Банга // *Russkie vedomosti*. 7 dekabrja.
- В.а., 1912, Герман Банг (Некролог) // *Russkie vedomosti*. 19 janvarja.
- Bang G., 1907, Predislovie. // *Cevernye sborniki izdatel'stva "Shipovnik"*. Book 1. S-Peterburg: Shipovnik. – P. 141–145.
- Bang G., 1911, Shaljapin. // *Utro Rossii*. 6 dekabrja.
- Veselovskij Ju., 1912, Rec. na German Bang. Na puti. // *Russkie vedomosti*. 31 ijulja.
- Gofman V., 1911, Rec. na German Bang. Roman sestry miloserdija. // *Novaja zhizn'*. No. 7. – P. 269–271.
- Ivashhenko A., 1912, German Bang (iz lichnyh vpechatlenij). // *Put'*. No. 5. – P. 86–88.
- Kojranskij A., 1912, German Bang. // *Pojet beznadezhnyh pokolenij*. Moskva: Sovremennye problemy. – P. 16–19.

- Koltonovskaja E., 1907, Severnye sborniki. Kn. 1. // *Obrazovanie*. No. 10. – P. 79.
- Levinson A., 1907, German Bang. Oчерk. // *Sovremennyyj mir*. No. 11. – P. 37–43.
- Madelung A., 1904, Herman Bang. Mikaël. // *Vesy*. No. 8. – P. 57.
- Novikova M., 1911, Rec. na Bang, German. Roman sestry miloserdija. // *Utro Rossii*. 8 oktjabrja.
- Petrovskaja N., 1911, Rec. na: German Bang. Grafinja Urnje. // *Utro Rossii*. 9 ijulja.
- Poppenberg F., 1911, German Bang. // Bang G. *Chetyre d'javola*. S-Peterburg: Izdanie akcionernogo obshhestva tipografskogo dela v Sankt-Peterburge. – P. 3.
- Segal Ja., 1913, Predislovie. // Bang G. *Tainstvennyye rassказы*. Moskva: Mysl'. – P. 3–7.
- Tihmenev N., 1911, Rec. na: German Bang. Bez rodiny. // *Moskovskie vedomosti*. 3 marta.
- Dramaturgiske Penne-tegninger. Herman Bang som teateressayist. En antologi.* Udgivet og kommenteret af K. A. Jürgensen. Odense: Syddansk Universitets Forlag, 2007. – P. 452.